

Лидия Николаевна Радлова

Через жизнь нашего поколения московских (и не только московских) астрономов, заканчивавших университет и вступавших в ряды научного сообщества в 1950-е гг., прошла эта во всех отношениях необыкновенная женщина – одна из последних представительниц высокой российской интел-

лигенции. Человек разносторонних способностей, с незаурядным талантом и в поэзии, и в живописи, Лидия Николаевна Радлова проявила себя талантливым астрономом-исследователем и организатором контактов ученых нашей страны с мировой наукой через знаменитый некогда

Л.Н. Радлова. 1978 г.

РЖАстр¹, а кроме того была, без сомнения, воспитателем душ для многих своих коллег и просто друзей, посещавших ее удивительно гостеприимный дом.

Поднявшись на 16-й этаж в небольшую квартиру на Таганке, мы встречались с Лидией Николаевной и ее мужем Борисом Юльевичем Левиным, известным астрономом, доктором физико-математических наук, и оказывались в особом “оазисе”, в атмосфере утонченной культуры XIX в. Об этом говорило все – сама хозяйка, старинная мебель, стол под необычным абажуром, посуда и даже гости, невольно впитывавшие дух настоящего аристократизма этого дома! А еще – удивительное гостеприимство хозяйки, окруженной милыми детьми и внуками, стихи на стене, обращенные к гостям:

“Ведь без гостей, как без друзей, на свете трудно жить,

И не беда, что после них посуду надо мыть!”

Здесь бывали и астрономы, и художники, и поэты, и деятели новой демократии России начала 1990-х гг. – В.К. Абакин, В.Г. Горбачкий (приезжая в Москву, он всегда останавливался в этом доме), А.Г. Масевич; В.С. Сафронов и Е.Л. Рускол (коллеги Бориса Юльевича по Институту физики Земли, в котором он почти четверть века руководил унаследованным от О.Ю. Шмидта Отделом эволюции Земли), сын Н.А. Козырева (родственник Лидии Николаевны), Н.Н. Казанский (ныне академик РАН, директор Института лингвистических исследований РАН), биолог Н.Н. Воронцов (с которым мы вели разговоры о незабываемом 91-м...) и многие другие, кого неожиданно сближала доброжелательная атмосфера “Дома на Таганке”.

Лидия Николаевна унаследовала и продолжала традиции петербургской культуры, от нее веяло доброжелательностью и теплотой, во всем ощу-

щались ее тактичность и деликатность. Ее реплики всегда были находчивы и остроумны. Лидия Николаевна любила людей, чувствовала их и сама непременно оказывалась душой компании.

Вспоминается такой эпизод. Однажды ночью во время наблюдений на Абастуманской астрофизической обсерватории при пасмурном небе мы, наблюдатели, сидели как на иголках, ждали прорыва в облаках, постоянно смотря на небо, и один астроном, в очередной раз поглядев на небо, вдруг сказал: “Звезд нет, все звезды здесь, а главная, конечно, Лидия Николаевна”.

Лидия Николаевна Радлова родилась 23 декабря 1913 г. в Санкт-Петербурге, в семье художника, профессора Академии художеств Николая Эрнестовича Радлова – сына философа, директора Публичной библиотеки Э.Л. Радлова. Воспитанная в такой гуманитарной атмосфере, она вдруг, после окончания школы в 1931 г., поступила на математико-механический факультет Ленинградского государственного университета по “астрономической специальности”, как она писала в автобиографии. И только на семейном вечере, посвященном 100-летней годовщине Лидии Николаевны, для нас неожиданно открылась причина такого “поворота”: рано потеряв мать и находясь в очень теплых отношениях с новой женой отца, она испытала большое влияние своего названного деда – отца мачехи, который был моряком и впервые познакомил ее с астрономией, морской конечно.

Еще будучи студенткой, Л.Н. Радлова приняла участие в экспедиции ленинградских астрономов в Красноярск во главе с известным планетологом В.В. Шароновым для наблюдения знаменитого солнечного затмения 19 июня 1936 г. Во время полной фазы затмения ею были выполнены абсолютные измерения “освещенности” от солнечной короны (светового потока, приходящегося на единицу площади), а также светового потока от Солнца во время частных фаз затмения. Еще в начале 1930-х гг. В.В. Шаронов орга-

¹ Реферативный журнал ВИНТИ “Астрономия”.

Л.Н. Радлова и В.В. Шаронов во время наблюдений. Ташкентская астрономическая обсерватория. 1938 г.

низовал при Астрономической обсерватории Ленинградского университета лабораторию планетной астрономии. Перед сотрудниками лаборатории была поставлена тогда задача с помощью фотометрических и колориметрических исследований постараться разгадать природу поверхностного покрова Луны и планет. Теперь, во время экспедиции, Л.Н. Радлова близко познакомилась с методами работы по этой теме и, что называется, “заболела Луной”. После окончания в 1936 г. университета она работала младшим научным сотрудником в этой лаборатории, а в 1938 г. поступила в аспирантуру к В.В. Шаронову. Основные научные исследования Л.Н. Радловой были посвящены фотометрии Луны и планет. Она определяла абсолютные фотографические коэффициенты яркости поверхности Юпитера, из фотометрических и колориметрических измерений определила цвет поверхности Юпитера и Сатурна, цвет Марса во время противостояния в 1939 г. Лидия Николаевна приняла участие в коллективной работе по сопоставлению оптических параметров отдельных участков

Луны и образцов земных пород, указав на сходство лунных объектов с аплитом, сиенитом и серой. Кроме того, на основании своих наблюдений она пришла к выводу, который свидетельствует о скрупулезности ее исследований: пылевой метеорный покров на Луне не является сплошным, в нем имеются прогалины, обнажающие коренные породы лунных скал².

В 1941 г. Л.Н. Радлова окончила аспирантуру и представила диссертацию на тему “Исследование цветовых контрастов лунной поверхности”. В 1940–1944 гг. она работала старшим научным сотрудником Ленинградского естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта. Начавшаяся в 1941 г. Отечественная война и угроза блокады изменили течение жизни Лидии Николаевны: ей пришлось переехать с двухлетней дочкой в Москву, где жил ее отец. Какое-то время она оставалась официальным сотрудником института им. П.Ф. Лесгафта, в частности провела исследование отражательной способности гипсового экрана. Тогда же, в 1942–1944 гг., она работала старшим научным сотрудником Московского государственного института мер и измерительных приборов. Впоследствии Лидия Николаевна с улыбкой вспоминала: в ее обязанности входило посещение московских рынков, чтобы контролировать точность веса гирь, используемых продавцами. (И при возникновении каких-либо “трений” дело всегда улаживалось мирно благодаря деликатности “контролера”.)

Оглядываясь назад, можно сказать, что война переломила астрономическую судьбу Л.Н. Радловой: ей пришлось расстаться с любимой группой ленинградских “планетчиков”, иначе она, возможно, и в этой области достигла бы немаловажных результатов.

² Это могли быть действительно “оголенные” части лунных “морей” – выходы лунных базальтов – результатов древних вулканических извержений, спровоцированных, видимо, ударами о лунную поверхность метеоритов. – Прим. А.Е.

Между тем война подходила к концу. Летом 1943 г. возобновил работу в обычном режиме МГУ, и Л.Н. Радлова представила и защитила на Ученом совете его механико-математического факультета кандидатскую диссертацию на тему “Колориметрическое исследование лунной поверхности”. В январе 1944 г. она была принята на работу старшим научным сотрудником в ГАИШ МГУ, который в то время располагался на старой территории Московской обсерватории на Красной Пресне³. Лидия Николаевна начала работать в лаборатории “Новых звезд и планетарных туманностей”. Лаборатория была основана еще в довоенное время профессором Б.А. Воронцовым-Вельяминовым для изучения очень широкого круга объектов: от новых звезд, нестационарных, непрерывно извергающих свое вещество звезд Вольфа – Райе, горячих О-звезд до планетарных и других эмиссионных туманностей. Лаборатория размещалась в двух комнатах в небольшом домике недалеко от главного здания обсерватории, что давало повод Лидии Николаевне в шутку называть ее, перефразируя Гоголя, “хутором близ дирекции”, поскольку рядом был кабинет директора. В одной комнате сидели сотрудники, в другой были установлены микрофотометры для измерения негативов. Оснащение лаборатории было очень бедным: для астрономических наблюдений была только зеркальная 30-см камера, установленная в малой железной башне. А так как ночное московское небо было очень светлым, пластинки быстро засвечивались. Для выполнения программы Б.А. Воронцова-Вельяминова надо было ехать в другие обсерватории, расположенные в местах с хорошим астроклиматом. С этой целью Лидия Николаевна была командирована

³ Ныне, после переезда института в 1953 г. во вновь сооруженное здание на Воробьевых горах, на Красной Пресне располагается музей ГАИШ МГУ, в котором работает Секция истории университетской астрономической обсерватории и самого ГАИШ.

на в Абастуманскую астрофизическую обсерваторию АН Грузинской ССР. Обсерватория находится близ курорта Абастумани на горе Канобили (1650 м над уровнем моря) в урочище, отличающемся прекрасным астроклиматом, прозрачной и спокойной атмосферой. Поскольку спецификой ГАИШ является тесная связь научной работы с учебным процессом на астрономическом отделении МГУ, Лидия Николаевна совмещала собственную наблюдательную работу с руководством астрономической практикой студентов. Она сумела так организовать процесс их знакомства с работой на телескопах и различных установках, что помимо самой работы они смогли насладиться и красотой необыкновенно живописных окрестностей. Она всегда была душой компании, к которой присоединялись и студенты, приезжавшие на практику из других университетов, а также молодые грузинские сотрудники. Студенты, которым посчастливилось проходить практику под руководством Л.Н. Радловой, навсегда запомнили ее голос с необыкновенно красивыми интонациями и весь ее благородный образ, излучавший удивительную доброту.

Для выполнения своей программы определения фотографических звездных величин вновь открывавшихся горячих звезд типа Вольфа – Райе Лидия Николаевна проводила наблюдения на 8-дюймовой камере и на 35-см анаберрационной камере Шмидта. В 1947 г. она (совместно с сотрудницей лаборатории О.В. Катц) получила снимки планетарных туманностей, для которых Б.А. Воронцов-Вельяминов и П.П. Паренаго ранее (1931) уже определяли интегральные фотографические звездные величины, но посчитали свои результаты недостаточно точными, а иные у них и вовсе не имели оценок звездных величин. Результаты Радловой и Катц, полученные в 1947 г. по нескольким пластинкам, не только дополнили эти исследования, но и показали хорошее согласие с ними. По снимкам, сделанным там же камерой Шмидта с соответствующими филь-

На семинаре в лаборатории профессора Б.А. Воронцова-Вельяминова: Б.А. Воронцов-Вельяминов, Л.Н. Радлова (стоит), О.Д. Докучаева, А.М. Лозинский, Ю.И. Продан и Г.А. Пономарёва. 1951 г.

Академик АН Казахской ССР Г.А. Тихов (в центре) и Л.Н. Радлова (слева) среди сотрудников Московского государственного лекционного бюро. 1953 г.

рами, Лидия Николаевна исследовала распределение цвета в центральных частях знаменитой М31 (ближайшей к нам спиральной галактики, известной как Туманность Андромеды). В 1950 г. она занялась поиском красных звезд, излучение которых сосредоточено преимущественно в инфракрасной области спектра. Этой темой, предложенной Б.А. Воронцовым-Вельяминовым, в то время занимались лишь немногие исследователи. Трудности были связаны с тем, что чувствительность фотоэмульсий к инфракрасному излучению чрезвычайно мала. Лидия Николаевна получила снимки ряда областей Млечного Пути, в том числе области вокруг звезды Р Лебеда в синих ($\lambda = 4000 \text{ \AA}$) и инфракрасных ($\lambda = 8800 \text{ \AA}$) лучах. Для всех звезд она определила звездные величины в этих диапазонах излучения, а также инфракрасные показатели цвета. Около Р Лебеда Радлова обнаружила огромное количество красных и инфракрасных звезд с показателем цвета более $3,4^m$, значительно превышающее их число в других исследованных ею же областях. Для продолжения поисков таких звезд Лидия Николаевна начала опыты по гиперсенситбилизации фотоэмульсии путем купания пленок в воде. Опыты эти были остановлены неожиданным увольнением Радловой из института в 1952 г. (на пике печально известной борьбы с так называемым “космополитизмом”, когда из ГАИШ была уволена целая группа научных сотрудников, в их числе ее муж Б.Ю. Левин и наш великий космолог А.Л. Зельманов).

После недолгой работы в Московском лекционном бюро Л.Н. Радлову пригласили на работу в только что созданный Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ), где, по воспоминаниям коллег, в полной мере раскрылся ее уникальный талант общения с людьми. Поскольку ряд сотрудников института, в том числе главный редактор реферативного журнала “Астрономия” Кирилл Федорович Огородников, жили в Ленинграде, часто ездить туда приходилось и

Лидии Николаевне. Это позволило ей снова поработать вместе с группой профессора В.В. Шаронова. В 1954 г. Лидия Николаевна участвовала в экспедиции в г. Ейск для наблюдения полного солнечного затмения, оценивала интегральный блеск Марса во время его оппозиции 1956 г., вела фотометрические наблюдения полного лунного затмения, определяла порог цветоразличения при визуальном наблюдении лунной поверхности и предельное различие цветности лунных объектов (1958).

Вот как о работе Лидии Николаевны в ВИНИТИ вспоминает ее ближайший сотрудник В.Г. Шамаев: *“С апреля 1953 г., то есть с момента основания, по 1983 г., в течение 30 лет, Лидия Николаевна Радлова работала во Всесоюзном институте научной и технической информации. Это было поистине “золотое время” института. Л.Н. Радлова была редактором раздела “Солнечная система”, вместе с П.Г. Куликовским вела “Общий раздел. История астрономии”; с А.П. Челомбитько, а позднее со мной, разделы “Астрометрия” и “Астрономические инструменты”. Одновременно она была Ученым секретарем редколлегии реферативного журнала (РЖ) “Астрономия и Геодезия”. Позднее бессменный заведующий отделом астрономии ВИНИТИ Инна Сергеевна Щербина-Самойлова добавила к этому выпуски РЖ “Исследование космического пространства” и “Исследование Земли из космоса”.*

Выйдя на пенсию, Лидия Николаевна посвятила себя прекрасному делу – организации ряда выставок в городе своей юности Ленинграде, посвященных творчеству ее знаменитого отца: “Кривое зеркало. Шаржи и карикатура XX века” (музей А. Ахматовой в Фонтанном доме, 1992), “Николай Радлов. Из творческого наследия” (Отдел эстампов в РНБ⁴, 1993) и др.

⁴ Российская национальная библиотека, широко известная прежде как Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Прим. А.Е.

В квартире у Л.Н. Радловой: Э.А. Дибай, Л.В. Самсоненко, Лидия Николаевна, И.С. Щербина-Самойлова, второй справа вверху – М.У. Сагитов. Середина 1950-х гг. Из архива И.С. Щербиной-Самойловой.

Я познакомился с Лидией Николаевной в 1978 г. Моя однокурсница, которая работала в ВИНТИ, попросила им помочь, так как редактор раздела "Астрометрия" пулковчанин А.П. Челомбитко предупредил, что переезжает в Одессу и уже не сможет каждый месяц посещать институт, чтобы редактировать материалы раздела. Какие это были золотые времена для ВИНТИ! Нештатных сотрудников хоть пруд пруди. Работать в ВИНТИ было престижно, а для штатных сотрудников, специалистов в своей области, это еще была и возможность читать все свежие научные статьи, приходившие со всего мира. Итак, я пришел в здание ВИНТИ на Балтийской, 14 – место, по-моему, известное всем научным работникам [старшего] поколения, где меня и встретила Лидия Николаевна. ВИНТИ располагался в старинном дворце с широкими мраморными

лестницами, просторными коридорами и высоченными потолками. У отдела астрономии тогда были три большие светлые комнаты. В первой, проходной комнате находились технические работники, а во второй научные сотрудники. Стол Лидии Николаевны был у большого окна слева. Уютное местечко. За стеной была комната, где сидела Инна Сергеевна Щербина-Самойлова с литредактором Львом Гавриловичем Епифановым, и они, бывало, перестукивались, приглашая друг друга.

Выглядела Лидия Николаевна изумительно. Встретила она меня приветливо и сразу так расположила к себе, что я, правда, немного подумав, встретившись с А.П. Челомбитко, когда тот приехал готовить очередной номер, согласился побыть какое-то время редактором. Отказать им было невозможно. Так я и проработал штатным сотрудником до 1988 г., когда Инна Сергеевна

В гостях у Л.Н. Радловой: Л.Д. Ревина, В.Г. Шамаев, Лидия Николаевна, Т.Б. Крундышева. Начало 1980-х гг.

пригласила меня занять ее должность. Тогда было по академии кратковременное распоряжение о невозможности занятия руководящих должностей после 70 лет. Чудачества тогдашнего генсека, указания которого чиновники, как всегда, бросились рьяно исполнять⁵.

Вернусь к Лидии Николаевне. Вот ведь бывает так, что разные по возрасту люди чувствуют себя сверстниками, ведут себя друг с другом как близкие друзья – радуются, обижаются, как бы одинаково думают, имеют общие интересы. Конечно, это была заслуга Лидии Николаевны.

⁵ Скорее, попытка ввести жесткое, но не лишенное логики, правило западноевропейских научных учреждений. Кстати, в наши дни в РАН оно также находит применение и уже осуществлено, например, в Институте философии. – Прим. А.Е.

С ней вместе мы всегда просматривали подготовленные мною в номер рефераты, определяли их очередность в номере, и это не было формальностью, почти всегда она что-то поправляла. После работы непременно угощала чаем с конфеткой. Прекрасна была и традиция отдела астрономии – встречать Старый Новый год с нештатными сотрудниками. Она сохранялась еще долго.

Бывало, мы вместе гуляли, она хорошо знала старую Москву, хотя родилась в Ленинграде. Много раз я бывал у них с Борисом Юльевичем Левиным дома, “на Таганке” (на Марксистской улице). Кстати, она нередко приглашала к себе в гости всех сотрудников отдела, и даже когда я бывал у нее в гостях один, то всегда к моему приходу, да и не только к моему, что-нибудь пекла. Часто это бывали великолепные творожные печенья: перед помеще-

Л.Н. Радлова, Б.Ю. Левин, Ф. и Б. Уиппл.
Скалнато Плесо, Чехословакия. 1967 г.

нием в духовку они посыпались сахаром, который плавился и образовывал глазированный корочку. Мне они очень нравились, и она, конечно, это знала. Как-то, во время моего пребывания в ее доме пришел ленинградец К.Ф. Огородников, в то время главный редактор РЖ “Астрономия”. Он уже был в возрасте, и помню, как она ему сказала: “Кирилл Федорович, может, простокваши поедите”. Он ответил: “С большим удовольствием”. А после она еще и предложила ему отдохнуть на диванчике, что он с охотой и сделал. Кириллу Федоровичу было тогда уже за восемьдесят, но был он очень энергичен, с ясной головой. Все это произвело на меня большое впечатление.

Среди женщин-астрономов встречаются неординарные личности. Сама наука к этому располагает. Однако таких, как Лидия Николаевна, встречается среди астрономов-женщин, да и не только, совсем немного. Перефразируя, слегка, Булата Окуджаву: “Вот таких-то людей очень мало. На планету – совсем ерунда...”

В круг близких знакомых и друзей Лидии Николаевны и Бориса Юльевича входили также известные зарубежные астрономы.

Лидия Николаевна вместе со своим мужем Б.Ю. Левиным, известным исследователем комет и проблем планетной космогонии, написала прелестную книгу для детей младшего возраста “Астрономия в картинках”, которую проиллюстрировала красочными картинками ее дочь Е.Ф. Радлова. Книга пользовалась оглушительным успехом и была переведена на многие языки. Помню, как в одну из встреч в самом начале нашего знакомства Лидия Николаевна спрашивает, есть ли у меня эта книжка. Если нет, то она мне подарит последний оставшийся у нее экземпляр вышедшего недавно издания. Но с просьбой: тираж в Москве и Ленинграде весь разошелся и если, случайно, я в каком-нибудь городе ее увижу, то сразу куплю ей много. Мне, можно сказать, “повезло”, в Николаеве я купил пять последних экземпляров, и она радовалась, что хоть это удалось достать. Мой сын, Никита, который в 1990-е гг. был еще маленьким, с удовольствием читал эту книжку, рассматривал картинки, задавал вопросы. Может поэтому его и сейчас притягивает астрономия, хотя по образованию он физик.

Лидия Николаевна умела дружить. Часто говорила: “Надо поехать в Ленинград, что-то давно я своих знакомых не видела”. Знакомые у нее были во многих местах. Так, когда мы вместе приехали в Ригу на конференцию, она сказала, что остановится, конечно же, у друзей, “которых давно не видела”. На банкете, которым завершалась каждая конференция, мы сидели вместе, и к ней постоянно подходили знакомые, но у меня было ощущение, что она говорит только со мной: в этом был особый дар ее общения с людьми”.

Художественные таланты семьи Радловой – Левина, как вспоминает одна из соавторов настоящей статьи (А.И. Еремеева), ярко проявились, когда Лидия Николаевна и Борис Юльевич истинно

порадовали уже смертельно больного О.Ю. Шмидта своим коллажем, изображавшим его как знаменитого “ледового комиссара” на льдине после гибели “Челюскина” (1934) и сопровождавшимся стихами:

“В Ледовитом океане без руля и без ветрил

Отто плавает в тумане – бородою всех прикрыл...”,

а еще – коллажем ко дню его рождения, изображавшим Отто Юльевича сидящим в любимой позе йога на берегу Рижского залива на фоне его же развертывающейся космогонической картины творения нашей планетной системы...

В летний день 1999 г. в маленькой старинной церкви Иоанна Предтечи на Пресне мы прощались с нашей Лидией Николаевной (она скончалась 21 июня). (Даже здесь ее хорошо знали, и службу проводил знакомый ее семье священнослужитель). Но для нас Лидия Николаевна продолжает при-

существовать, быть рядом. И ей вовсе не 100 лет: все мы, не только ее сотрудники, но и близкие друзья ее дома, по-прежнему ощущаем себя ровесниками ее – той, всегда молодой, остающейся для всех нас образцом Ученого, Личности, удивительно многогранного и душевного Человека. Несмотря на то, что Лидии Николаевне, как и всему поколению людей, родившихся в России в начале XX в., пришлось пережить немало трудностей и лишений, уже в свои преклонные годы она говорила: *“Я прожила очень счастливую жизнь”*.

Авторы благодарят семью Л.Н. Радловой за предоставление редких биографических документов и фотографий из семейного архива.

*О.Д. Докучаева, А.И. Еремеева,
Г.А. Пономарёва
ГАИШ МГУ
В.Г. Шамаев
ВИНИТИ*